

5. ПРАВА НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК В ПРЕЦЕДЕНТНОЙ ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Рассмотрение вопроса необходимо предварить указанием на выработанную Европейским судом по правам человека (далее - Европейский суд, Суд) **концепцию имущества**, которая заметно отличается от понимания имущества и права собственности в национальном праве государств - участников Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция).

Базисное положение, которое легло в основу всей прецедентной практики в отношении "имущества" по смыслу ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции, было сформулировано Европейским судом в 1995 г. в деле "Газус Дозье унд Фердертекик ГмбХ против Нидерландов"¹. В Постановлении по этому делу Суд указал, что используемое в ст. 1 Протокола N 1 понятие "имущество" (possessions) имеет автономное значение, которое определено **не ограничивается правом собственности на материальные объекты**. Используемым в ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции понятием "имущество", по мнению Суда, охватываются не только вещи в традиционном их понимании, но и некоторые другие права и выгоды (interests), образующие активы (assets), которые можно рассматривать как "имущественные права" (property rights) и, следовательно, как "имущество".

Вместе с тем в наименовании и тексте указанной статьи Конвенции в официальном переводе ее на русский язык используется слово "собственность"², вследствие чего отечественные юристы делают вывод о том, что данной статьей защищается исключительно право собственности. При этом обычно без внимания остается разработанная Судом **концепция имущества**, хотя Суд неустанно напоминает о ней в постановлениях по делам, где рассматриваются вопросы нарушения ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции.

Концепция имущества³ (а именно так должен переводиться термин "**possessions**"), разработанная Европейским судом, является новаторской - в ней обобщены передовые тенденции, иногда только намечающиеся в национальных правовых системах европейских стран. Следование этой концепции позволяет Суду распространять положения ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции на все активы, обладающие экономической ценностью (включая те, которые прямо не признаются объектами гражданских прав в большинстве национальных правовых систем). Именно об этой концепции упоминается, например, в Постановлении Европейского суда "Васильев и Ковтун против России"⁴ (перевод О.Л. Ветровой): "Концепция "имущества", отраженная в первом абзаце статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции, имеет автономное значение, которое не ограничивается правом собственности в отношении материальных вещей и не зависит от формальной классификации по национальному законодательству: некоторые иные права и интересы,

¹ См.: Постановление Европейского суда от 23 февраля 1995 г. по делу "Газус Дозье унд Фердертекик ГмбХ против Нидерландов" (Gasus Dosier und Fordertechnik GmbH v. the Netherlands, жалоба N 15375/89).

² Так, ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции получила название "Protection of property", что переведено как "Защита собственности". При этом перевод абз. 1 выглядит следующим образом: "Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права" (официальный перевод текста Протокола N 1 к Конвенции на русский язык был опубликован: СЗ РФ. 2001. N 2. Ст. 163).

³ Впрочем, встречаются и работы, авторы которых по старинке ссылаются на то, что "концепция "собственности" в ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции имеет автономное содержание, которое определено не ограничивается правом собственности на физические вещи: некоторые другие права и выгоды, образующие имущество, могут быть также рассмотрены как "права собственности" и, таким образом, как "собственность" для целей указанного положения" (см.: Сагдеева Л.В. Право на защиту собственности в актах Европейского суда по правам человека. Доступ из СПС "КонсультантПлюс". См. также критику данной работы: Михайлов С.В. Рецензия на книгу Л.В. Сагдеевой "Право на защиту собственности в актах Европейского суда по правам человека" // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. 2015. N 1; Европейская конвенция: новые "старые" права. М., 2015. С. 427 - 431).

⁴ См.: Постановление Европейского суда от 13 декабря 2011 г. по делу "Васильев и Ковтун против России" (Vasilyev and Kovtun v. Russia; N 13703/04). Доступ из СПС "КонсультантПлюс".

представляющие собой активы, могут также рассматриваться как "имущественные права" и, следовательно, как "имущество" по смыслу данного положения. В каждом деле необходимо исследовать вопрос о том, был ли заявитель наделен при обстоятельствах дела, взятых в целом, титулом на действительный интерес, защищенный статьей 1 Протокола N 1 к Конвенции"⁵.

Исходя из даваемой Европейским судом широкой трактовки понятия "имущество"⁶ можно говорить о том, что на сегодняшний день под это понятие подпадают не только материальные объекты, находящиеся во владении гражданина или юридического лица (движимое и недвижимое имущество, документарные ценные бумаги, деньги и проч.), но также и:

права требования, возникшие из договора или деликта (см., например, дела "АО "Прессос Компания Навьера" и другие против Бельгии" (Pressos Compania Naviera S.A. and others v. Belgium, N 17849/91) "Носов против России" (Nosov v. Russia, N 30877/02), "Герасимова против России" (Gerasimova v. Russia, N 24669/02) и "Компания "Регент" против Украины" (Regent Company v. Ukraine, N 773/03));

будущие доходы, если они реальны и подтверждены (см., например, дела "Венденбург и другие против Германии" (Wendenburg and others v. Germany, N 71630/01), "Компания "Анхойзер-Буш Инк." против Португалии" (Anheuser-Busch Inc. v. Portugal, N 73049/01));

право на заключение и продление договора (см., например, дело "Стретч против Соединенного Королевства" (Stretch v. the United Kingdom, N 44277/98));

лицензии и разрешения на осуществление коммерческой деятельности и частной практики (см., например, "Компания "Мегадат.ком СРЛ" против Молдовы" (Megadat.com SRL v. Moldova, N 21151/04), "Компания "Бимер С.А. против Молдовы" (Bimer S.A. v. Moldova, N 15084/03), "Компания "Розенцвейг энд Бондед Вэрхаусес Лтд" против Польши" (Rosenzweig and Bonded Warehouses Ltd v. Poland, N 51728/99));

права на объекты интеллектуальной собственности (дело "Компания "Анхойзер-Буш Инк." против Португалии" (Anheuser-Busch Inc. v. Portugal, N 73049/01) и др.).

Использование при переводе и трактовке положений ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции⁷ вместо термина "имущество" термина "собственность" является весьма распространенной ошибкой. При этом ошибкой далеко не безобидной, поскольку понимание терминов "**possessions**" и "**property**" исключительно как "собственности" чрезмерно сужает смысл права на защиту имущества, закрепленного названной статьей. В результате право на защиту имущества, гарантированное ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции, не во всех случаях может получить адекватную защиту в национальных судах.

Например, в деле "Паеффген против Германии"⁸ Европейский суд рассматривал вопрос

---

⁵ СПС "КонсультантПлюс".

⁶ В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ Конвенция по правам человека является составной частью правовой системы Российской Федерации, причем, если она предусматривает иные правила, нежели предусмотренные отечественным законом, применению подлежат правила Конвенции. В силу п. 2 ст. 7 ГК РФ Конвенция по правам человека применяется к отношениям, регулируемым Кодексом, непосредственно. При этом правоположения, формулируемые Европейским судом по вопросам применения Конвенции и Протоколов к ней, подлежат исполнению государствами - участниками Конвенции с тем, чтобы исключить возможность нарушений Конвенции, которые уже были предметом рассмотрения Суда. Следовательно, эти правоположения должны учитываться государством - участником Конвенции даже и в тех случаях, когда окончательное Постановление Европейского суда было принято по делу против другого государства (см. об этом абз. 2 п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. N 21 "О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней").

⁷ См.: Рожкова М.А. К вопросу о понятии "собственность" в Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике Европейского суда по правам человека // Журнал российского права. 2006. N 12; Рожкова М., Афанасьев Д. Правоположения Европейского суда по правам человека и их значимость для арбитражных судов Российской Федерации // Хозяйство и право. 2007. N 4; Афанасьев Д.В. Подача жалобы в Европейский суд по правам человека (серия "Практика Европейского суда по правам человека: комментарии, судебные прецеденты", кн. 1). М., 2012.

⁸ См.: Постановление Европейского суда от 18 сентября 2007 г. по делу "Паеффген против Германии" (Paeffgen GmbH v. Germany, жалобы N 25379/04, 21688/05, 21722/05 и 21770/5).

правомерности регистрации доменного имени, сходного с товарным знаком другого лица. По итогам рассмотрения этого дела Суд признал, что **право на доменное имя** является "имуществом" по смыслу ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции и на него распространяются положения данной статьи. Является очевидным, что названное право не подпадает под понятие права собственности, не являясь при этом и интеллектуальной собственностью⁹, но именно экономическая ценность этого права и позволяет относить его к "имуществу" по смыслу ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции¹⁰.

Развивая сказанное, в целях настоящего исследования следует указать, что "имущество" по смыслу, придаваемому в прецедентной практике Суда, подразделяется на две основные категории: во-первых, **имеющееся в наличии имущество** и, во-вторых, **правомерно ожидаемые активы**¹¹.

1. Понятие "**имеющееся в наличии имущество**" (это, например, материальные объекты, находящиеся во владении; права требования, срок по которым наступил; интеллектуальная собственность) подразумевает, что у заявителя имеется правовое основание (title) в отношении конкретного имущества и согласно национальному законодательству заявитель рассматривается как законный владелец (собственник, правообладатель) этого имущества. Правовое основание на "имеющееся в наличии имущество" может подтверждаться, например, судебными решениями национальных судов.

Так, в деле "ОАО "Плодовая компания" против России"¹² компания-заявитель утверждала о наличии у нее исключительных прав на товарный знак в отношении алкогольной продукции, ссылаясь на то, что она является универсальным правопреемником компании, которая ранее обладала исключительными правами на данный товарный знак (компании-правообладателя). Между тем вопрос относительно правопреемства компании-заявителя рассматривался национальными судами, и окончательную точку в нем поставил Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ. Отменяя постановление апелляционной инстанции и оставляя в силе решение суда первой инстанции, Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ признал, что компания-заявитель не имела права считать себя правопреемником компании-правообладателя, поскольку решение о реорганизации не принималось - компания-заявитель была создана как новое юридическое лицо, а не возникла в результате преобразования компании-правообладателя. С учетом этого Европейский суд в постановлении указал, что в условиях наличия спора в отношении прав на данный товарный знак и отсутствия судебного решения, которым бы национальный суд подтвердил право компании-заявителя на этот знак, по смыслу ст. 1 Протокола N 1 заявитель не обладает спорным имуществом.

Исходя из данной позиции Европейского суда, можно заключить, что в ситуации, когда право на имущество, в отношении которого имелся спор, признано судебным решением национального суда (и это решение стало окончательным), есть все основания говорить об "имеющемся в наличии имуществе", даже если оно еще не получило надлежащего оформления в соответствующих регистрирующих органах.

2. Понятие "**правомерное ожидание**" означает обоснованное предположение о получении какой-либо имущественной выгоды или имущественного актива на основании, в частности, соглашения с органом власти, выданного публичным органом разрешения или лицензии,

---

⁹ Всемирная организация интеллектуальной собственности неоднократно указывала на то, что нет никаких оснований для отнесения доменных имен к интеллектуальной собственности (см., например: Интеллектуальная собственность в Интернете: Обзор проблем. Женева, 2002. С. 24).

¹⁰ Другим примером широкого понимания понятия "имущество" Европейским судом стало дело "СК Эдитура Оризонтуре СРЛ против Румынии" (Постановление Европейского суда от 13 мая 2008 г. по делу "СК Эдитура Оризонтуре СРЛ против Румынии" (SC Editura Orizanturi SRL v. Romania, жалоба N 15872/03)). В Постановлении по этому делу Европейский суд признал, что действием ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции охватывается **право на публикацию**. Как и в предыдущем случае, данное право, являющееся правом на имущество, бесспорно, нельзя относить к праву собственности.

¹¹ Подробнее о правомерном ожидании см.: Афанасьев Д.В. Указ. соч.

¹² См.: Постановление Европейского суда от 7 июня 2007 г. по делу "ОАО "Плодовая компания" против России" (ОАО "Plodovaya Kompaniya" v. Russia, жалоба N 1641/02).

нормативного или ненормативного акта. Позиция Европейского суда состоит в том, что он может признать наличие "правомерного ожидания" (существование ожидаемых активов) и в ситуации, когда национальные суды решили, что заявитель не обладает правами (титолом) на имущество¹³.

В качестве **антипода** "правомерного ожидания" Европейский суд использует категорию "**надежда на признание права**" (или "надежда на приобретение права"), которая не подпадает под понятие "имущество" по смыслу ст. 1 Протокола N 1. Разграничение понятий "правомерное ожидание" и "надежда на признание права" представляет собой серьезную проблему на практике, которая не раз попадала в орбиту внимания Европейского суда.

Вообще термин "надежда на признание права" Европейский суд по правам человека распространяет на права, осуществление которых невозможно по причинам, не зависящим от заявителя (например, такого рода права не могут быть реализованы в силу отсутствия соответствующего законодательного регулирования либо вследствие действий третьих лиц). Так, в деле "Князь Лихтенштейна Ханс-Адам II против Германии"¹⁴ Большая палата Европейского суда сформулировала следующее положение: "Надежда на признание права" представляет собой **условное требование**, которое не может быть реализовано, если не выполнено какое-либо условие, не зависящее от воли правообладателя". А в деле "Гратзингер и Гратзингерова против Чешской Республики"¹⁵ Большая палата указала, что не может быть отнесена к праву на имущество только лишь надежда на то, что прекратившееся право на имущество может быть восстановлено, либо право требования, подчиненное какому-либо условию, которое прекратилось вследствие невыполнения этого условия.

Для настоящей работы интерес представляет дело "Компания "Анхойзер-Буш Инк." против Португалии"¹⁶ в связи с рассмотрением в его рамках вопросов правовой охраны товарного знака и разграничения понятий "правомерное ожидание" и "надежда на признание права". Важно заметить, что при разрешении этого дела Европейский суд подробно проанализировал положения Парижской конвенции по охране промышленной собственности, Мадридское соглашение о международной регистрации знаков и Мадридский протокол к нему, а также Соглашение о торговых аспектах интеллектуальной собственности (TRIPS) и Регламент Совета ЕС о товарном знаке (1993).

В данном деле компания-заявитель, являющаяся производителем пива, обжаловала в Европейский суд нарушение ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции. Обосновывая свою позицию, компания-заявитель ссылалась на признание недействительной регистрации товарного знака "Будвайзер" в отношении производимого ею пива, основанием для чего стала предшествовавшая этому международная регистрация чешской компанией обозначения "Будвайзер" в качестве наименования места происхождения товара.

При первом рассмотрении дела Палата Европейского суда указала, что интеллектуальная

---

¹³ Это нашло отражение в деле "Пайн Велли Девелопментс Лимитед" и другие против Ирландии" (Постановление Европейского суда от 29 ноября 1991 г. (Pine Valley Developments Ltd and Others v. Ireland, жалоба N 12742/87)), в котором Европейским судом впервые было использовано понятие "правомерное ожидание". В этом деле компании-заявителю органами власти государства-ответчика было выдано разрешение на строительство на земельном участке. В связи с получением этого разрешения компания-заявитель приобрела в собственность данный земельный участок, однако разрешение на строительство впоследствии было признано недействительным. Суд счел, что компания, покупая земельный участок, обоснованно предполагала, что выданное ей разрешение на строительство является действительным. Суд указал, что выданное компании разрешение предоставило ей по крайней мере "правомерное ожидание" реализовать свои коммерческие планы. На этом основании Европейский суд решил, что выданное компании разрешение на строительство, хотя и было признано недействительным национальными судами, являлось основанием для "правомерного ожидания", которое является составной частью ее имущества.

¹⁴ См.: Постановление Большой палаты Европейского суда от 12 июля 2001 г. по делу "Князь Лихтенштейна Ханс-Адам II против Германии" (Prince Hans-Adam II of Liechtenstein v. Germany, жалоба N 42527/98).

¹⁵ См.: Постановление Большой палаты Европейского суда от 10 июля 2002 г. по делу "Гратзингер и Гратзингерова против Чешской Республики" (Gratzinger and Gratzingerova v. the Czech Republic, жалоба N 39794/98).

¹⁶ См.: Постановление Большой палаты Европейского суда от 11 января 2007 г. по делу "Компания "Анхойзер-Буш Инк." против Португалии" (Anheuser-Busch Inc. v. Portugal, жалоба N 73049/01).

собственность, безусловно, подпадает под понятие "имущество" по смыслу ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции. Однако подача заявки на регистрацию товарного знака (хотя и отражающая финансовый интерес заявителя) еще не влечет возникновения "имущества", поскольку положения ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции распространяются на то имущество, которое находится в распоряжении лица. Суд подчеркнул, что в рассматриваемом случае компания-заявитель не могла быть уверена в том, что она является правообладателем до момента завершения регистрации товарного знака, да и то лишь при условии, что ни одно из третьих лиц не выдвинет возражений против такой регистрации. Иными словами, у компании-заявителя было право, которое подчинялось определенному условию (отсутствию возражений третьих лиц), и в связи с наступлением этого условия (поступления возражений третьих лиц, ссылающихся на нарушение их исключительных прав регистрацией этого товарного знака) данное право компании-заявителя прекратилось. Вследствие этого Палата Европейского суда пришла к следующему выводу: право на товарный знак является "имуществом" в значении положений ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции, но оно становится таковым лишь после окончательной его регистрации в соответствии с нормами национального законодательства; до такой регистрации у лица, подавшего заявку, имеется лишь "надежда на приобретение права" (но не "правомерное ожидание", подлежащее правовой охране). С учетом этого было сделано заключение, согласно которому компания-заявитель не обладала правом на "имущество" в значении ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции.

Данное дело было пересмотрено Большой палатой Европейского суда, и первоначально сформулированная позиция была изменена.

В постановлении Большой палаты отмечалось, что учреждениям, созданным на основе Конвенции, очень редко приходится решать вопросы, связанные с охраной интеллектуальной собственности. В целях рассмотрения данного дела в постановлении был дан обзор дел, касающихся приобретения прав на объекты интеллектуальной собственности. В частности, отмечалось, что в деле "Смит Кляйн и компания "Френч Лабораториз Лтд" против Нидерландов"¹⁷ было указано на распространение понятия "имущество", закрепленного в ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции, на патенты и патентообладатель был причислен к категории "владелец имущества". В Постановлении по делу "Бритиш-Америкэн тобаккоу компани против Нидерландов"¹⁸ было высказано мнение, согласно которому ст. 1 Протокола N 1 не применима к заявке на патент, отклоненной компетентным органом власти, поэтому компания-заявитель, которой было отказано в регистрации патента, не приобретает право на имущество, а сам отказ в регистрации не является лишением права на имущество. В деле "Иро Балани против Испании"¹⁹ вопрос о допустимости применения ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции к объектам интеллектуальной собственности не рассматривался, однако Суд признал нарушением п. 1 ст. 6 Конвенции ("Право на справедливое судебное разбирательство") то, что Верховный суд Испании не исследовал в качестве основания для обжалования судебного решения несоблюдение правил приоритета.

Анализируя вопрос применения положений ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции в деле "Компания "Анхойзер-Буш Инк." против Португалии", Большая палата согласилась с тем, что регистрация товарного знака (и соответственно, правовая охрана интеллектуальной собственности, предоставляемая в силу такой регистрации) становится окончательной лишь в случае, если такая регистрация не нарушает законных прав третьих лиц. Тем самым признавалось, что права, связанные с подачей заявки, подчинены определенному условию. Однако, по мнению Суда, компания-заявитель была вправе ожидать, что ее заявка будет рассмотрена в соответствии с

---

¹⁷ См.: Постановление Европейской комиссии от 4 октября 1990 г. по делу "Смит Кляйн и компания "Френч Лабораториз Лтд." против Нидерландов" (Smith Kline and French Laboratories Ltd v. the Netherlands, жалоба N 12633/87).

¹⁸ См.: Постановление Европейского суда от 20 ноября 1995 г. по делу "Бритиш-Америкэн тобаккоу компани против Нидерландов" (British American Tobacco Ltd v. the Netherlands, жалоба N 19589/92).

¹⁹ См.: Постановление Европейского суда от 9 декабря 1994 г. по делу "Иро Балани против Испании" (Hiro Balani v. Spain, жалоба N 18064/91).

нормами применимого законодательства (если она удовлетворяет всем материально-правовым и процедурным требованиям), поэтому есть основания для вывода о том, что у компании-заявителя возникли **интересы имущественного характера**, подпадающие под действие ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции. В своем постановлении Большая палата подчеркнула, что из самой подачи заявки на регистрацию товарного знака вытекает большое количество финансовых прав и интересов (например, подписание лицензионного соглашения с выплатой вознаграждения, возмездная переуступка заявки на регистрацию товарного знака и т.п.). Вследствие сказанного был сделан вывод о том, что компания-заявитель обладала **"рядом имущественных прав"**, связанных с ее заявкой на регистрацию товарного знака, т.е. было признано, что, подав заявку на регистрацию, компания-заявитель приобрела право на "имущество" в значении ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции. Поскольку такие права следует относить к "имеющемуся в наличии имуществу", Большая палата указала на то, что нет необходимости рассматривать вопрос о том, может ли компания-заявитель претендовать на "правомерное ожидание".

Завершая анализ дела "Компания "Анхойзер-Буш Инк." против Португалии", хотелось бы специально подчеркнуть, что, признавая за компанией-заявителем имущественные права, Суд нигде не указывает на то, что речь идет об **исключительных правах на товарный знак** (интеллектуальной собственности). То есть в постановлении по рассмотренному делу Европейский суд, по сути, подтвердил ранее сформулированную позицию, согласно которой подача заявки (на получение патента, на регистрацию товарного знака) еще не означает приобретение интеллектуальной собственности, но допускает признание за заявителем иных имущественных прав и интересов, подпадающих под понятие "имущество".

Такова вкратце позиция Европейского суда, высказанная в отношении прав на товарный знак.